

ТОЛЬКО НЕ ОТПУСКАЙ

Соня Лисицына

18+

Соня Лисицына

Только не отпускай

«Автор»

2026

Лисицына С.

Только не отпускай / С. Лисицына — «Автор», 2026

Столетиями тянется война между людьми и оборотнями, и мир вокруг будто забыл, что такое покой — всюду вражда, насилие, а кое-где и вовсе торгуют чужими судьбами. Мира —девочка- оборотень, осталось сиротой после смерти матери. Эрисса — обычная девушка, становится ей опорой и настоящей матерью: не по крови, а по собственному выбору. Они направляются на север, в Клан Барсов — родной дом Миры. Путь предстоит долгий и трудный, но Эрисса крепко держит дочь за руку, повторяя: "Только не отпускай".

© Лисицына С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Соня Лисицына

Только не отпускаяй

Глава 1

Глава 1

Пролог:

"...Я взяла ее на руки, и мое сердце наполнилось невыносимой теплотой и любовью, что прежде я не испытывала..Разве я могла подумать, что этот маленький, окровавленный и кричащий комочек станет для меня всем миром..Нет, я лишь смотрела с улыбкой на милое, сморщенное лицо, хрупкое и нежное тело, которое носило еще на себе кровь матери, на движение крохотных ручек и ножек.. Малышка родилась буквально пару минут назад в страшных муках, она пришла в этот жестокий мир не в самый подходящий и не простой момент...Но я благодарилась небеса за ее появление в моей жизни..Она моя. Моя.."

Рыбья чешуя липла к пальцам, отливая серебром в тусклом свете северного солнца. Темноволосая юная девушка сидела на низком березовом чурбаке у порога избы, методично соскабливая тупым ножом серую кожу с плотвы, но она периодически останавливалась, чтобы рукой смахнуть с лица длинные пряди, что закрывали ей обзор.

Холодный ветер со стороны болота доносил привычный запах торфа и мокрой ольхи. В свои семнадцать она знала этот мир по границам леса и вкусу колодезной воды. Скрип журавля, ленивый лай соседского пса — все это казалось незыблемым, вечным каркасом жизни. Обычное, ничем не примечательное утро. Мать возилась в сених, гремя чугунами, а отец еще на рассвете ушел проверять верши- мирная, предсказуемая жизнь, измеряемая ведрами воды и связками сушеной рыбы.

Но что-то заставило её замереть на секунду и прислушаться... Первым пропал звук, а птицы в малиннике у забора разом смолкли, словно захлебнувшись. Эрисса подняла голову, удерживая скользкую рыбину за хвост, и в ту же секунду с окраины, где стояли дворы пастухов, донесся крик. Это был не обычный призыв на помощь, а дикий, булькающий вопль человека, которому разом перерезали горло. Земля под ногами мелко задрожала, в тишине раздался треск ломающихся сухих жердей — тяжелый, сильный, будто сквозь изгородь напролом перелесной лось.

– Мама! Оборотни! – крикнула Эрисса, поднимаясь с чурбака, нож выскользнул из пальцев и глухо стукнул о притоптанную грязь.

Запах гари ударил в нос мгновенно. Из-за крыши старосты повалил густой черный дым, в котором кружились крупные хлопья саж. Ветер донес тяжелую, кислую вонь немытого зверя и паленой шерсти. На улицу выкатился соседский мальчишка, но пробежать успел всего три шага- из серого облака копоти вымахнула огромная серая тень. Существо на двух ногах, покрытое густой бурой шерстью, с непропорционально широкими плечами и тяжелой, тупой мордой оборотня. Одним коротким движением когтистой лапы оно вбило ребенка в землю, даже не замедлив бега.

Вокруг начался ад- крики смешались со рвом скотины в загонах, деревянные избы вспыхивали одна за другой, сухая дранка на крышах трещала, стреляя искрами. Эрисса стояла, словно приросшая к глине подошвами своей обувью. Из сеней выскочила мать, лицо её было бледным, испачканным в саже, а в руках она сжимала тяжелый ухват — нелепое, бесполезное против этих чудовищ оружие.

– В лес! – мать с силой схватила Эриссу за шиворот холщовой рубахи, заставляя повернуться спиной к пылающей улице, ткань на плече затрещала, – На еловую просеку беги! Быстрее, Эри!

– А как же ты? Отец... – слова застревали в пересохшем горле, дым уже резал глаза, выжимая слезы.

– Беги, девка! – мать с неожиданной, бешеной силой толкнула ее в спину, направляя к огородам. – Спасайся!

Это был не приказ — мольба. В глазах матери Эрисса увидела прощание, а спустя секунду мать уже бежала в сторону горящего дома, пытаясь отвлечь одного из зверей, который как раз закончил с забором. Эрисса заставила свои ноги двигаться, она бежала, не разбирая дороги, через колючие кусты малины, через высокую крапиву, которая жгла щиколотки. Сзади грохотало, ухало, а потом донесся звук, который она не забудет никогда — короткий, захлебывающийся крик матери.

Она не обернулась, девушка выполнила приказ, хотя сердце, казалось, разорвется от этой трусости прямо сейчас. Эрисса споткнулась, едва не зарывшись лицом в ботву увядшей капусты, перемахнула через низкую плетеную ограду и припустила к темнеющей стене ельника. Позади что-то тяжело рухнуло, раздался протяжный, надрывный вой, от которого зубы заныли, а в груди все сжалось в ледяной ком. Она не обернулась, страх гнал ее вперед, ломая ветки перед лицом и заставляя легкие гореть от каждого вдоха.

Лес встретил ее сырым холодом и полумраком. Острые сучья рвали одежду, царапали щеки, но Эрисса бежала, пока ноги не превратились в тяжелые колоды. Когда силы окончательно иссякли, она упала под выворотень огромной ели, зарывшись лицом в холодный, пахнущий прелью мох. Сердце колотилось в ушах, заглушая далекие отголоски бойни. В ту ночь небо на востоке долго светилось багровым пожаром, отражаясь в ее широко раскрытых, сухих глазах.

Следующие три дня превратились в сплошной кошмар наяву. Лес казался бесконечным, чужим и смертельно опасным. Без огня и теплой одежды Эрисса быстро заоченела, по ночам заморозки хватали за пальцы рук, кожа на ладонях потрескалась и покрылась коркой из грязи и запекшейся крови. Голод крутил живот, но страшнее была жажда. К концу второго дня губы покрылись сухими чешуйками, а язык распух и мешал дышать. Ей приходилось слизывать мутную воду со скользких болотных кочек и грызть холодную кору молодых берез, от которой во рту оставался горький привкус.

Она брела без цели, стараясь держаться подальше от открытых полян. Каждый шорох — взлет тетерева, хруст ветки под лапой зайца — заставлял ее замирать, вжимаясь в стволы деревьев и задерживая дыхание до темноты в глазах. Голова кружилась, реальность путалась с лихорадочным бредом. Ей казалось, что из-за каждого куста на нее смотрят желтые звериные глаза.

На исходе третьего дня сосновый бор начал редеть. Сквозь стволы проступила широкая полоса серой земли — старый тракт, шедший к южным городам. Эрисса вышла на опушку, шатаясь от слабости, колени дрожали, перед глазами плыли серые круги. Ей нужно было найти людей, хоть кого-то, кто даст глоток воды и кусок черствого хлеба.

Глухой стук копыт и скрип тележных осей заставили ее встрепенуться - по дороге двигался небольшой обоз. Эрисса сделала шаг вперед, собираясь крикнуть, но из горла вырвался лишь сиплый хрип. Силы оставили ее, и она повалилась в сухую траву у обочины.

Ее заметили быстро, лошади фыркнули, остановившись. Из передней повозки спрыгнул рослый мужчина в грязной кожаной куртке с железными бляхами на груди. В руках он держал короткую плетъ с утяжелителем на конце.

– Гляди-ка, живая, – раздался грубый, прокуренный голос над головой Эриссы. – Парни, тут лесная мышь выползла! Хорошенькая, если отмыть.

Эрисса попыталась отползти назад, в спасительную тень кустов, но тяжелый сапог, подбитый гвоздями, безжалостно наступил ей на запястье, боль обожгла руку, заставив вскрикнуть. Рябой мужчина нагнулся, бесцеремонно схватил ее за волосы и рывком поднял на ноги. От него пахло дешевым кислым пивом, чесноком и застарелым потом.

– Пусти... – выдохнула она, пытаясь вырваться, но тело было слишком слабым.

– Ишь, шевелится, – рябой ухмыльнулся, обнажая гнилые зубы. – Веревку давай, шевелись!

Второй нападающий, пониже и пошире в плечах, быстро обмотал ее запястья жесткой пеньковой веревкой, узлы затянули так туго, что пальцы тут же начали неметь. Без лишних церемоний Эриссу потащили к тяжелому фургону, обшитому железными полосами.

Рябой распахнул заднюю дверь и сильным толчком швырнул девушку внутрь, прямо на грязную, прелую солому, устилавшую пол. Она упала на бок, больно ударившись бедром о железный прут.

В полумраке фургона стояла тяжелая, удушливая вонь. Здесь пахло сыростью, экскрементами, прокисшей кашей и тем самым острым, звериным запахом, который Эрисса запомнила на всю жизнь в день гибели своей деревни. Из глубины телеги донеслось глухое, вибрирующее рычание.

Когда глаза привыкли к темноте, Эрисса похолодела. Фургон был разделен пополам прочной железной решеткой. Там, в тесноте, сидели они – пленные оборотни. Один — крупный самец с разодранным ухом и запекшейся кровью на морде — тяжело дышал, привалившись к стене. Другой, помоложе, с горящими в полумраке желтыми глазами, не отрываясь смотрел на вошедшую. На шее у него тускло поблескивал тяжелый ошейник с цепью.

Дверь фургона с грохотом захлопнулась, погрузив пространство в душный полумрак. Снаружи щелкнул засов, телега дернулась, колеса застучали по камням тракта, увозя Эриссу прочь от сожженного дома.

Она сжалась в комок на грязной соломе, прижав связанные руки к груди. В нескольких шагах от нее, за железными прутьями, дышали убийцы ее семьи, а впереди была только неизвестность, вонь чужих тел и лязг цепей, которые теперь стали ее единственной реальностью.

Глава 2

Телега дернулась в последний раз и замерла. Сквозь щели в дощатых стенах фургона просочился жидкий, багровый свет — рассвет только начинал окрашивать небо.

Эрисса лежала на соломе, свернувшись в тугой узел. За трое суток пути тело онемело от холода и неудобной позы, а голод превратился в постоянный, ноющий ком под ребрами. Веревки на запястьях сняли еще вчера — не из жалости, а, чтобы девчонка не подохла раньше времени и не потеряла товарный вид. На коже остались багровые полосы, пальцы до сих пор плохо слушались.

Снаружи загремели засовы, дверь распахнулась, и в фургон ворвался ледяной воздух, пропитанный запахом мокрой золы, конского пота и чего-то кислого, гниющего. Тот самый рябой, что пленил Эриссу на тракте, заглянул внутрь, сплюнул коричневую слюну под ноги и гаркнул:

– Вылезай,мышь... Приехали.

Она попыталась подняться, но ноги затекли, и девушка рухнула обратно на солому. Рябой выругался, схватил ее за шиворот грязного платья и рывком выволок наружу. Эрисса упала на утоптанную землю, больно ударившись коленями о мерзлые комья, холод сразу пробрался сквозь рваные поршни, обжег ступни.

Лагерь встретил ее какофонией звуков. Где-то рядом скрипели ворота, перекликались грубые голоса, звякало железо. Повсюду стоял тяжелый дух — немытых тел, застарелой крови, дыма от костров, на которых что-то горело, и все это перебивал сладковатый, тошнотворный запах гниющей плоти. В сером рассветном полумраке угадывались контуры частокола, чернели остовы палаток и фургонов. С десятков людей в кожаных доспехах и с факелами в руках сновали между строениями.

– Чего встала? Шевелись! — рябой сильно толкнул ее в спину, направляя к центру лагеря.

Эрисса пошла, спотыкаясь на каждом шагу, голова кружилась от слабости и вони. Ее вели мимо загонов, где в тесноте сидели пленные — люди и нелюди. Кто-то стонал, кто-то молча смотрел пустыми глазами, а затем показалась большая яма — черный провал в земле, огороженный грубо сколоченными перилами. Оттуда поднималось зловоние, от которого желудок Эриссы сжался в спазме. Пахло экскрементами, разложением и все тем же звериным мускусом, что она запомнила в фургоне.

К яме уже подвели несколько фигур вновь прибывших — старик с седой бородой, женщина в рваном платье, мальчишка лет десяти. Охрана, ржа и перешучиваясь, толкала их к краю. Эрисса запнулась, пытаясь отвести взгляд от черноты внизу, но рябой не дал ей замешкаться. Крепкая рука сжала плечо и развернула лицом к яме.

– Давай, красавица, внизу тебя ждут. Познакомишься с местным зверьем, — он ухмыльнулся, и от него разило гнилыми зубами.

Эрисса вцепилась в перила, пытаясь удержаться, пальцы онемели, соскользнули с мокрого дерева. Не давая опомниться, он грубо толкнул в спину. Эрисса покатилась вниз по скользкому склону, больно ударяясь локтями и коленями о выступы корней и камней. Падение закончилось в ледяной жиже на дне. Грязь забила в рот, в нос, залепила глаза, а удар вышиб остатки воздуха из легких.

Отплеываясь и кашляя, Эрисса попыталась встать, но руки и ноги разъезжались в липкой жиже. Сердце колотилось где-то в горле, рядом кто-то застонал — должно быть, те, кого сбросили раньше. Но она не успела оглядеться.

Из темноты, с противоположного края ямы, донеслось низкое, вибрирующее рычание. Звук шел прямо сквозь землю, отдаваясь дрожью в костях.

Глаза, постепенно привыкавшие к сумраку, различили наконец очертания. В углу, прижавшись к земляной стене, лежало огромное существо – густая, некогда белая шерсть свалилась в колтуны, местами выдранная с мясом, длинные лапы с тускло блеснувшими когтями поджимал к груди — точнее, к вздутому животу, который заметно выступал даже в этом положении. Морда — помесь барса и человеческой — была разодрана, кровь запеклась на шкуре черной коркой. Желтые глаза горели в полумраке, не мигая следили за девушкой. Это был оборотень из клана снежных барсов, да к тому же самка.

Эрисса замерла, боясь даже дышать. В голове пронесся визг матери, треск горячей избы, хруст детских костей под лапой серой тени. Каждая мышца взывала, приказывая бежать, карабкаться по скользким стенам прочь из этой могилы, но тело не слушалось. А сверху уже доносился хохот.

– Глянь, живая пока! – проорал кто-то над краем. – Эй, ты, девка! Лови припасы!

Вниз полетел сверток, он шлепнулся в грязь рядом с Эриссой, обдав ее брызгами. Следом, с лязгом, упал небольшой закопченный котел, из которого плеснула вода. Девушка вздрогнула, инстинктивно вжав голову в плечи, и снова услышала голос, на этот раз властный, с хрипотцой:

– Слушай сюда, мразь! Зверюга та, что в углу, мне еще нужна живой. А ну, перевяжи ей раны, не то плетью шкуру спущу. Живо!

Над ямой возникло сразу несколько теней, факелы заплескали, выхватывая из мрака ухмыляющиеся рожи. Головорезы делали ставки и до Эриссы долетали обрывки фраз:

– Ставлю три медяка, что барс ей горло перегрызет, как только подойдет!

– Да брось, эта дохлячка и шагу сделать не успеет, обоссается со страху!

Ржание, улюлюканье, свист- их голоса сливались в отвратительный гул.

Эрисса посмотрела на сверток- грязные тряпки, когда-то бывшие, наверное, бинтами, да котел с мутной водой — вот и все, что ей дали. Руки дрожали, к горлу подкатила тошнота — не столько от вони ямы, сколько от ужаса. Нужно сделать шаг... всего один шаг навстречу существу, которое за секунду может разорвать ее на куски.

Она перевела взгляд на самку, та не нападала, только скалилась, прижимаясь спиной к стене, и из горла вырывался непрерывный, почти неслышный рокот. Лапы сжимали набухший живот — жест защиты, до боли знакомый- так женщины в ее деревне прикрывали младенцев в утробе.

Сверху снова крикнули, и кончик кнута щелкнул по воздуху совсем рядом с ухом Эриссы. Девушка вздрогнула всем телом и, преодолевая дрожь, подняла котел. Вода была ледяной, а тряпки — жесткими и дурно пахнущими. Медленно, каждым движением стараясь не спугнуть зверя, она сделала первый шаг.

Барс замерла. Рычание стало громче, предупреждающим, желтые глаза не отрывались от лица Эриссы. Девушка застыла, ожидая броска, но его не последовало. Тогда она сделала еще шаг... и еще.

Теперь она могла рассмотреть раны. Глубокие рваные порезы на боку, словно от когтей или ножа, воспаленные, с запекшейся кровью и гноем. Сломанное ребро — это угадывалось по неестественному выступу под шкурой и тому, как тяжело, со свистом дышала самка. Левая передняя лапа была вывернута под странным углом, а поверх всего — дрожь. Крупная, лихорадочная, сотрясавшая все тело, но не от холода — от жара изнутри.

Эрисса опустилась на колени в грязь прямо в шаге от морды хищницы. Вонь здесь была невыносимой, смесью гнили и звериного мускуса. Но она заставила себя не отворачиваться, её взгляд встретился с желтыми глазами.

И в них, за пеленой боли и инстинктивной агрессии, плескалась не ярость и обреченность. Та же пустота, что Эрисса видела в глазах матери в последний миг, та же, что глядела на нее из лужи с талой водой три дня назад, когда она поняла: дома больше нет.

Сверху снова загоготали, но звук стал далеким, неважным. Эрисса, не отводя глаз, медленно намочила одну из тряпок, капли воды стукнулись о грязь. Самка дернулась, оскалив клыки — длинные, желтоватые, способные перекусить руку одним движением. Но не бросилась.

– Тихо... – прошептала Эрисса одними губами. – Я не сделаю больно... Потерпи.

Свой голос показался чужим, сорванным. Она потянулась к ране на боку, и едва мокрая ткань коснулась кожи, зверь зарычал громче всем нутром. Эрисса замерла, чувствуя, как сердце колотится о ребра, но руку не отдернула. Дыша часто и поверхностно, она провела тряпкой по краю раны, смывая запекшуюся кровь. Хищница вздрогнула, издав звук, похожий на стон, но не пошевелилась.

Постепенно рычание стихло, сменившись тяжелым, прерывистым дыханием. Эрисса промывала рану за раной, стараясь не задеть особенно чувствительные места. Руки ее действовали машинально, а в голове билась только одна мысль: «Мы обе здесь — товар. Безымянное мясо».

Когда она закончила перевязку — насколько это было возможно грязными тряпками — барс уже не скалилась. Она полулежала, прижалась к стене, и смотрела на девушку тяжело, но без угрозы. В желтых глазах читалось что-то, чего Эрисса не ожидала — изнеможение и слабый, едва заметный проблеск благодарности.

Сверху раздались разочарованные возгласы.

– Ишь ты, поладили, – раздался удивленный голос. – Да брось ты возиться, крыса... Все равно скоро сдохнет...

Ставки прогорели, кто-то сплюнул в яму, попав Эриссе на плечо. Она не шелохнулась. Котел с остатками воды она пододвинула ближе к оборотню, и сама, обессилив, опустилась на земляной выступ по другую сторону.

Грязь липла к щекам, рубаха промокла насквозь, зубы выбивали дробь. Но страх отступил, на его место пришла холодная, ясная решимость. В этом лагере у нее не будет имени, не будет прошлого. Только одна цель — выжить. Любой ценой. И почему-то теперь ей казалось, что этот зверь, убивавший ее сородичей, может стать единственным союзником в преисподней.

Самка закрыла глаза, тяжело вздохнув, Эрисса подтянула колени к груди и стала ждать, что будет дальше. Солнце поднималось над частоколом, заливая яму все более ярким, безжалостным светом.

Глава 3

Три дня в яме слиплись в единый, бесконечный кошмар. Грязь въелась в поры, заби-лась под ногти, пропитала остатки одежды, превратив холщовую рубаху и порты в зловонные лохмотья. Кожа чесалась от сыпи, а на коленях и локтях появились мокнущие язвы — стены сочились гнилью, и нигде было приткнуться сухим боком. Днем через край швыряли объедки: черствые корки, заплесневелую кашу, иногда — обрезки требухи, от которых желудок сводило спазмами. Вода в котле быстро мутнела от грязи, но выбора не оставалось.

Оборотень лежала в своем углу, тяжело дыша. Раны под повязками загноились, несмотря на все старания Эриссы, — грязные тряпки лишь размазывали сукровицу. Но зверь больше не скалился, когда девушка подходила сменить компресс, только желтые глаза следили с настороженной усталостью, а низкое рокотание в груди больше напоминало стон, чем угрозу. Эрисса держалась на расстоянии вытянутой руки, страх все еще скреб когтями по затылку, когда она слышала хриплое дыхание хищницы, но теперь к нему примешивалось странное, почти человеческое сочувствие.

Охрана появлялась у края дважды в день. Гогот, плевики, грязные шутки, Рябой сбрасывал вниз миску поила и орал, чтобы «девка шевелилась и обхаживала зверюгу», иначе им обоим урежут паек. Эрисса молча подбирала объедки и относила волчице. Та сначала отворачивалась, но голод брал свое, и она слизывала жидкую кашу с грязного днища, не глядя на девушку. Дважды Эрисса ловила на себе ее взгляд — не агрессивный, а изучающий, словно зверь пытался разгадать загадку человеческого упрямства.

На третью ночь небо разверзлось. Первые капли упали, когда лагерь затих. Сначала — редкий перестук по грязи, тревожный, как предупреждение, потом — сплошная водяная стена. Ледяной ливень хлестнул по яме, мгновенно превратив дно в вязкое месиво. Вода прибывала стремительно, смешиваясь с нечистотами, поднимаясь выше щиколоток. Эрисса прижалась к стене, пытаясь укрыться, но через минуту промокла насквозь. Холод прошел тело насквозь, выбивая зубы частой дробью, ткань липла к коже ледяными складками, а пальцы онемели так, что она перестала их чувствовать.

Самка заворочалась в своем углу. Дождь хлестал и по ней, размывая запекающуюся кровь, заставляя шерсть топорщиться мокрыми сосульками. Она подняла голову и утробно заскулила — низкий, вибрирующий звук, полный боли и беспомощности, Эрисса видела, как дрожит огромное тело, как судорожно вздымается бок.

Вода поднялась до середины икр, тело продолжало сотрясать неконтролируемая дрожь, а мышцы сводило судорогами. Эрисса поняла, что до рассвета ей не дожить — холод вытянет остатки тепла, усыпит, заставит захлебнуться в собственной грязи. Отчаяние мутной пеленой застило глаза, она почти не удивилась, когда услышала движение.

Самка барса ползла к ней. Медленно, преодолевая боль в искалеченной лапе, она подтягивала тело по скользкой грязи, волоча за собой вздутый живот. Приближалась, не сводя с девушки горящих глаз. Эрисса замерла, парализованная не столько страхом, сколько изумлением. Морда зверя оказалась вровень с ее лицом — она ощутила горячее, смрадное дыхание, почувствовала мускусный запах мокрой шерсти. Но вместо рыка из глотки вырвался низкий, почти вопросительный стон.

Зверь развернулся боком — к ее боку, тяжелое, пышущее жаром тело придвинулось вплотную. Огромная голова легла на земляной выступ, а хвост хлестнул по воде, взметнув брызги. Приглашение или предложение.

Эрисса сидела в ступоре, глядя на этот живой источник тепла. Память услужливо подбросила картинку: треск костей, хруст детского тела, бездыханная мать. Но дрожь в конечностях стала нестерпимой, а в груди расплзался ледяной ком. Холод взял верх над древним

инстинктом самосохранения, она неуклюже, на негнувшихся ногах, шагнула вперед и опустилась на колени прямо в жидкую грязь.

И прижалась. Плоть оказалась горячей, как печь, шерсть — грубой, но удивительно уютной, внутри мощного тела рокотало сердце — большой, размеренный барабан. Эрисса зарылась лицом в мокрый мех, не думая ни о чем, только впитывая живительное тепло. Пальцы сами собой вцепились в свалявшиеся колтуны, самка вздохнула — длинно, со свистом, — и положила тяжелую голову на плечо девушки. Когтистая лапа, та, что здоровая, осторожно приобняла ее, притягивая ближе.

Так они пролежали всю ночь. Дождь хлестал по незащищенным спинам, вода подступала к животам, но жар звериного тела согревал Эриссу изнутри. Она чувствовала каждый вдох волчицы, каждое сокращение мышц, каждое движение плода в распухшем чреве. Странное, первобытное спокойствие разлилось по жилам. Барьер, что разделял человека и зверя, рухнул, смытый ледяной водой, осталось только двое — две самки посреди выгребной ямы, вцепившиеся друг в друга ради выживания.

К утру ливень стих, небо над краем ямы засветилось серым, предвещая тусклый рассвет. Вода немного спала, оставив после себя студенистую кашу из грязи и нечистот. Эрисса разлепила веки, самка все еще лежала рядом, грея боком. Ее дыхание выровнялось, а в желтых глазах больше не плескалась боль — лишь глубокая, бесконечная усталость и какое-то новое выражение, почти доверие.

Девушка медленно села, растирая затекшие руки. Стыд за вчерашнее отступление — за то, что прижалась к врагу в поисках спасения — кольнул на миг, но тут же угас. Стыд не согреет и не защитит. Она посмотрела на зверя и едва заметно кивнула.

— Мой дом... сожгли такие же, как ты, — слова вырвались сами, сиплые, ломаные. — Деревню.. всех.. Мать успела толкнуть меня к лесу, а сама...

Горло сжал спазм, слез не было — только сухость и горечь на языке.

Оборотень приподняла голову. Взгляд стал внимательным, почти осмысленным. Она слушала.

— Я слышала ее крик, когда бежала. Слышала и не обернулась, думала — спасаюсь. А теперь... теперь понимаю: тогда я и перестала быть человеком. Осталась только оболочка...

Она замолчала, уставившись в грязную лужу, самка зашевелилась. Её лапа — та, что была перебинтована, но все еще действовала, — потянулась к девушке. Когтистая кисть легла на ее колено, слегка сжала, жест был настолько человеческим, что Эрисса вздрогнула.

— Ты понимаешь меня, — прошептала она скорее себе, чем зверю. Но оборотень склонил морду, будто кивая.

А потом она сделала то, от чего у Эриссы перехватило дыхание. Зверь, повернувшись, подхватил лапой ее руку и положил себе на живот — на то самое место, где под шкурой угадывался напряженный, распираемый изнутри бугор. Шерсть была горячей, туго натянутой... и Эрисса почувствовала.

Слабый, но отчетливый толчок...еще один. Крошечная пяточка или локоть — что-то живое рвалось наружу, билось внутри этой искалеченной оболочки. Девушка замерла, боясь пошевелиться, ладонь сама легла плотнее, ловя каждое движение.

— Детеныш, — выдохнула она, сердце вдруг наполнилось чем-то невыносимо теплым, давно забытым. — Живой...

Самка издала низкий, вибрирующий стон, похожий на мурлыканье. Она не отводила глаз от лица Эриссы, и в этом взгляде читалось все: боль, надежда, мольба.

— Ты хочешь, чтобы я помогла? — спросила девушка. — Я не знаю, смогу ли... Но я здесь... Я буду рядом..

Зверь выдохнул, и на секунду ей показалось, что в глазах мелькнула искра понимания. А потом, с усилием, хрипло, из горла вырвалось:

— Та-ри-сса.

Звуки были смазанными, едва различимыми, но Эрисса разобрала.

— Тарисса? Это твое имя?

Кивок. Почти незаметный, но кивок.

— Эрисса, — ответила она, прижав свободную руку к груди. — Меня зовут Эрисса.

Так, под серым рассветным небом, в грязной яме, пропитанной кровью и нечистотами, родилось нечто большее, чем просто союз двух жертв. Эрисса смотрела на вздутый живот, чувствовала слабые толчки и понимала: это дитя — ее ответственность. Не просто выжить самой, а сохранить жизнь, что еще не увидела.

Тарисса — прикрыла глаза, её дыхание выровнялось, лапа так и осталась лежать поверх руки девушки. Эрисса не отстранилась, она осталась сидеть, ощущая биение двух сердец: могучее, медленное — зверя, и крошечное, частое — того, кому еще предстояло родиться. Закон, выстроенная захватчиками, рухнула, теперь здесь, на дне смрадной могилы, существовал только один закон: они прикроют друг друга. Человек и оборотень- союз, скрепленный не словами, а теплом общей плоти.

Сверху слышались шаги — охрана делала утренний обход. Эрисса не шевельнулась, лишь инстинктивно загородила собой беременную. Что бы ни ждало их дальше, отныне её жизнь связана с этой хищницей. Иными словами, не высказать, но и без слов ясно: вместе до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.